

ВАЛЕРИЯ ШИМАКОВСКАЯ

БОЛЬНИЧНЫЕ РАССКАЗЫ

Сказ раз. Эстафета

Бывает, что первый осознанный визит в больницу совпадает — вот же чёрт! — с первой операцией. Всё уже за несколько часов перед этим начинает идти в абсолютно неподходящем направлении, прямо-таки наперекосяк. Под капельницей запрещают читать. Перед операцией говорят раздеться.

Или каталка. Везут тебя на ней, лежишь, думаешь, лампочки на потолке считаешь, но всякий раз сбиваешься, потому что кто-то понатыкал их бесчётное количество. Стихи вспоминаешь. Стихи приходят самые жалобные, вроде:

*О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне...*

В этот момент — когда ты находишься в горизонтальном положении и думаешь о вечности, а медсестра вызывает лифт, — тебе и передают эстафету. Какая бы, казалось, голому стихотворцу эстафета? А во-он того мужчину в синих шортах слышишь?

— Утри нос! Через три дня плясать будешь!

Киваешь, смаргиваешь слёзы, достаёшь руки из-под одеяла, потому что, оказывается, ещё не всё — плясать, вон, говорят, будешь. И дальше — до самой до операционной — едешь спокойно, даже лампочки не считаешь: пусть их, Бог с ними.

ШИМАКОВСКАЯ Валерия Олеговна родилась в 2000 году. Участник литературной смены культурного форума "Таврида", по результатам которого её малая проза была опубликована в журнале "Юность". Участник Сопевания молодых литераторов Москвы и Подмосковья и литературных семинаров Союза писателей Москвы "Путь в литературу. Продолжение". Слушатель студии Игоря Волгина "Луч".

Как проснёшься, почувствуешь, что тяжело дышится. Но это ничего, вот и бабуля с соседней кровати крикнет:

— Оклёмывайся давай. Скоро на танцы пойдём!

На танцы, может, не так скоро, но через день, полусогнувшись, можно и доковылять до холла. Через минуту-другую готовься передать эстафету!

Глянь-ка влево: из блока везут мальчишку-узбека лет восемнадцати. Тоже глаза как будто намылил ему кто: так он устал считать чёртовы лампочки. Медсестра вызовет лифт и усядется в телефон, как будто ей всё равно, что человека везут оперировать, ей как будто всё совсем до лампочки — благо их тут предостаточно, на выбор.

Приподнимешься и скажешь, понятия не имея, что мальчишка ни слова не знает по-русски:

— Это не больно. Честно.

Он улыбнётся, кивнёт, и заводить в лифт его будут уже с вытасненными из-под одеяла руками. Через пару дней к мальчишке придут друзья и принесут... “Доширак”. Они выучат несколько русских словосочетаний, в числе которых окажется и “Это же только бульон”. Тут придётся помахать руками и объяснить, что:

— Это. Будет. Последний. “Только бульон”. В его жизни!

Спустя неделю вы с мальчишкой получите выписки, скажете — один на русском, другой на узбекском — свои имена, которые ни за что потом не вспомните, и пожмёте друг другу руки. Он произнесёт какое-то слово, которое для себя можно перевести как “спасибо”.

Кто-то подбодрил тебя, кого-то ты — и понеслась эстафетная палочка, и перестали вспоминаться грустные стихи, и прекратился подсчёт слезоточивых лампочек, и высунулась одна, а за ней и другая рука из-под краешка одеяла.

Если почувствуете, что мальчишка эстафету кому-то передал, на всякий случай готовьтесь снова её принять: иногда она идёт по второму кругу.

Сказ два. Парикмахерская “Аполлон”

После того как вырезали аппендицит, нужно много ходить, иначе в брюшной полости образуются спайки. Понятия не имею, что это такое, однако словосочетание “брюшная полость” уже многое обещает.

Когда выйдете прогуляться, то можете, как я, встретить незнакомого деда. Он, растрёпанный, будет сидеть в конце коридора и, завидев вас, попросит подойти.

Не бойтесь: дед направлялся в парикмахерскую, а на обратном пути спутал этажи и потерялся. Заболела прооперированная нога, и он рухнул на стоявшее рядом кресло-каталку.

Найдите медсестру и попросите доставить деда на нужный этаж.

Если всё сделаете верно, то спустя пару минут будете наблюдать сцену: крупненькая медсестричка подойдёт и повезёт к лифту дедово кресло. Берите свой аппендицит и скорее шагайте за этими двумя.

Медсестра:

— Мужчина! Где-то я вас видела... — И, прищурившись:

— Погоди-ите-погоди-и-ите. Неужто... в парикмахерской?!

Дед смущённо кивнёт. Медсестра продолжит:

— А знаете, как, говорят, она раньше называлась?

— Как? — спросит, уже меньше думая о разболевшейся ноге, дед.

— “А-пол-лон”!

Дед прижамурится. Сестра игриво спросит:

— Постригли хоть?

— Нет, — сокрущённо ответит дед.

Медсестра воскликнет:

— Безобразия!

Но не спешите уходить, потому что тут заметите вторую медсестру. До вас донесётся:

— А я вам говорила, что у вас и так причёска не хуже этого Аполлона. Вот теперь, когда медсёстры везут нашего Аполлона на его Парнас, оказавшийся по непонятным причинам этажом ниже, можно и возвращаться...

Сказ три. Мишкина каша

Помните бабулю, которая после реанимации на танцы звала? Это баба Аля.

С ней мы обсуждали в основном еду. В больницу она попала потому, что съела два куска свиного рулета. Чтобы баба Аля перестала винить свинину, мне пришлось процитировать:

*Никогда ни о чём не жалейте вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить...*

Ей полегчало. Тогда баба Аля стала рассказывать, как с двусторонней пневмонией уплетала мороженое:

— Дорогое, гад! Сто рублей, — жаловалась она и блаженно добавляла: — А вку-у-усное-е!

По ночам бабе Але снился пирожок с вишнями.

Каждое утро после обхода врачей мы отправлялись в холл. Целью нашей прогулки была разведка меню. Есть нам почти ничего было нельзя, но всё вокруг, как назло, напоминало про еду. Тут мужчина кофе ложечкой помешивает, там женщина кому-то телефонные наставления по поводу соления огурцов даёт. В такие моменты бедная баба Аля сплёвывала и демонстративно уходила:

— Ну и засаливайте свои огурцы!

Беседы наши проходили обыкновенно перед завтраком, вдвоём, потому что одна соседка находилась в реанимации, а другая плохо слышала.

— Одни у тебя в палате божьи одуванчики, — смеялась восьмидесятиоднолетняя баба Аля и хлопала меня по плечу. — Хотя я у тебя есть!

И вот, до того, как звучало заветное: “Девушки, кушать!” — и девушки, двум из которых восемьдесят три, а одной восемьдесят один, доставали домашние тарелки, мы с бабой Алей вели разговоры.

Бабе Але однажды меняли клапан. Сделали ниже ключиц разрез, достали двумя руками сердце, положили его, бьющееся и живое, на стерильную салфетку, поменяли клапан, вернули сердце на место.

Я взволновалась: сердце! вытащить! на салфетку! На что моя некормленная баба Аля преспокойно заключила:

— Аки курочку из духовки.

Как-то раз завтрак нам долго не везли, и я спросила у бабы Али про мужа, фотография которого стояла у неё на тумбочке. Двадцатилетняя баба Аля ехала в трамвае и не могла отбиться от двоих, прицепившихся на улице. На остановке вошёл здоровый парень, взял их и вышвырнул. Так и прожила баба Аля с рослым парнем Мишей полвека. Он, подполковник, называл жену не иначе, как Алёшкой и танкистом.

Баба Аля прислушалась и замолкла: в начале коридора зазвенела тележка с завтраком. Потом снова заговорила о том, как им с мужем было хорошо, но вдруг опять прервалась и даже привстала:

— Кашу везут!

Звон кастрюли слышался совсем рядом.

— А ведь он болел, — тихо сказала баба Аля, но в момент, когда, прогремев, остановилась возле палаты тележка, обо всём забыла и, захватив из выдвижного ящика больничной тумбочки чашку и глубокую тарелку, ушла за завтраком.

Мне оставалось сидеть и думать над склизкой гречей о том, какая она — эта жизнь и эта любовь. Как это — говорить о муже, его болезни — и всё время думать о каше?

Но для себя я решила, что он бы на неё за это не обиделся, потому что каша бабы Али стоит рядом с фотографией мужа Миши. Вот и получается, что каша-то — Мишкина.

Сказ четыре. Баба Вера

На операцию людей обыкновенно привозят. Забирают из дома, загружают в машину “скорой” и с мигалками и писком везут. Баба Вера на операцию пришла сама.

Восьмидесяти трёх лет от роду, дотопала до приёмного отделения, затем, когда сказали, что нужна операция, пошла в палату, надела собственноручно сшитый синий халат в цветочек, повязала платочек на короткие седые волосы и начала раскладывать вещи. Всё это напоминало заезд на смену в пионерлагерь.

Мы с бабой Алей за бабу Веру, признаться, переживали: как её сорок килограммов перенесут операцию. Баба Аля взглядывала на бабу Веру и вздыхала:

— Ой, блин! Как ты завтра-то, аккуратистка наша?

После операции показалось, что баба Вера ослабла. Ей запретили спать — она лежала с открытыми глазами. На её животе топорщился лёд, слишком большой для маленькой бабы Веры.

Спустя час после операции выяснились две вещи. Нам с бабой Алей надо было спуститься вниз, и мы попросили бабу Веру предупредить медсестёр, если те нас потеряют. Баба Вера не расслышала, мы повторили громче. Тогда она, не поднимая головы с подушки, крикнула вслед:

— Хорошо-хорошо! Пиво, скажу, пить пошли.

Так мы выяснили, что баба Вера плохо слышит... И ещё — что это абсолютно не мешает ей хорошо шутить.

Баба Аля и баба Вера казались разными. Баба Вера всему и всегда была рада. В то время, как баба Аля плакала, смотря на меню щадящей диеты, баба Вера чашку бульона называла “кормёжкой от макушки до пяток”. Бабу Алю баба Вера по причине глухоты не слышала.

Ночью баба Вера храпела. Баба Аля долго ворочалась, зажимая уши подушкой, которую, как она определила, ей кто-то переложил, потому что это была “худшая подушка”.

— А храпит-то как, — сокрушалась она и добавляла о бабе Вере, старшей её на год: — Старая-я!

Спустя два дня баба Вера уже ходила. Ела апельсиновое варенье, которое ей было нельзя, а в ответ на наши увещевания облизывала ложку и приговаривала:

— Всё можно!

Потом она куда-то надолго вышла. Оказалось, просила у медсестёр позвонить: телефон в больницу не взяла. Только спустя несколько дней после операции она сказала дочке и сыну, что лежит в больнице...

— А то что они заранее переживали б? — объяснила она, села на кровать, счистила ножичком кожуру со взятого из дома яблока и стала грызть, качая ногами.

В тот вечер баба Вера легла рано, потому что её большие светло-синие глаза уже не видели, и делать было особенно нечего. Окна в нашей палате были огромные, и во время рассветов и закатов солнце просачивалось через незадёрнутые жалюзи, выставляло себе койку и становилось нашим пятым соседом по палате. Солнце собралось уходить, а баба Вера лежала, раскрыв глаза. И вот что она рассказала нам с солнцем.

Молодая баба Вера приехала из Сибири в Петербург, нянчила детей богатых знакомых, снимала угол у тётки Нели.

Раз в неделю к тётке Неле приходил стирать бельё парень. Однажды он увидел бабу Веру и заметил её хозяйственность. Это она так сказала. Я же думаю, что он увидел её светло-синие большие глаза. Они стали встречаться.

Жили у него, в “отеле” — комнатушке на Большом проспекте Петроградской стороны. Потом поженились. Баба Вера устроилась крановщицей в цех. Её там все звали Верочкой.

— Тебя ж тоже — Верочкой? — отвлекаясь, спросила она меня.

И я, понимая, что объяснять обратное было бы долго, кивнула. Наши больничные кровати стояли напротив, так что всем так было бы удобнее. Ещё мы с солнцем на пару узнали, что у бабы Веры сын инвалид, а дочка уехала во Флоренцию.

Бабе Вере принесли капельницу. Медсестра долго искала венку, несколько раз пробуя в разных местах, на что баба Вера только чуть дёргалась и говорила:

— Ничего-ничего. Зарубцуется.

Медсестра ушла, солнцу тоже пора было бежать. Баба Аля спросила бабу Веру о разрезанном на операции животе:

— Сильно болит-то?

Баба Вера долго не отвечала. Мы подумали, что она не расслышала или заснула, и лежали молча. Но в тот момент, когда баба Аля в который раз взбила свою худшую из всех подушку, послышался бабы Верин голос:

— Несильно. Живые, и ладно.

Сказ пять. Уравнение

Бабушки, как известно, хотят увидеть внуков. Поэтому мои соседки заботливо принялись искать того, от кого они могли бы появиться. Особенно усиленно вопросом моего брачевания занималась баба Аля. Ей казалось, что я как представительница набора хромосом икс-икс безотлагательно должна была найти свой больничный икс-игрек.

Выбранный для меня бабой Алей икс-игрек оказался связан с математикой самым непосредственным образом. Он, высокий и хорошо сложенный, что вполне удовлетворяло требованиям бабы Али, ежеутренне и ежевечерне выгуливал свой аппендицит. Как и я.

Мы с ним не называли имён... Нам было достаточно свешивающихся из-под футболок одинаковых дренажей и катетеров на венах для новых капельниц.

Первый вечер мы, как настоящая молодёжь, проговорили о том, как болит, где уже не болит и где ещё заболит. Поругали продукты-возбудители аппендицитного спокойствия и решили, что они исчезнут из наших холодильников. О себе не говорили: он только упомянул, что учился прикладной математике и работал программистом.

Тут медсестра крикнула нам:

— Welcome to койки, господа!

И мы разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи.

Когда я вошла в палату, баба Аля подпрыгнула и, обрадованная, начала расспрос. Почти сразу она всё для себя решила:

— Знаешь, за кого выходить надо?

— Нет.

— За богатого, — пауза. — Сказать тебе, кто богатый?

— Может, не надо?

Но баба Аля уже победоносно произносила:

— Про-грам-мист!

Вечером в холле, приспособленном для выгула вырезанного аппендицита, икс-икс и икс-игрек снова встретились. Он недоучился, бросил, но сейчас снова получал высшее.

— На программиста? — спросила я.

— Вроде того, — улыбнулся он. — На океанографа. — После того, как я засмеялась, обосновал: — Высшее — раз. Бесплатное — два. Чего хочешь? Я практикуюсь уже.

— Где это?

— В больнице. Привезли к нам в палату мужика. Десять дней вливал

в себя спиртосодержащие жидкости. Вот я и изучаю состояние оказавшегося в безводной среде.

Скоро нас должны были выписать, что избавляло меня от организованных бабой Алей смотрин. В тот же вечер я в надежде упомянула, что Он — не совсем программист и учится на океанографа. Баба Аля неожиданно нажала на кнопку прикроватного света, выпрямилась и, прокашлявшись, сказала:

— Я в хор хожу.

После этих слов я приготовилась слушать мелодию из ряда вон патетическую, бессознательно ассоциируя имя существительное “хор” с именем прилагательным “церковный”. Но тут баба Аля запела:

— Всё для тебя, моря и океаны...

Стали ложиться. Думалось всё о том, как хорошо, что с аппендицитом больше недели не держат, потому что я бы не смогла бесконечно решать задаваемое мне бабой Алей уравнение с одним неизвестным.

В ту ночь во сне она несколько раз бормотала:

— Для тебя...

Сказ шесть. Ласковые слова

Кто-то громко стучал при ходьбе палкой. Переговаривались женские голоса. Слышался треск каталки.

Следом за медсёстрами, вкатившими бледную пожилую женщину, вошла другая, с палкой. Лежащую осмотрел врач и спросил, что ела. За больную с одышкой нервно ответила женщина с палкой:

— Сестра наелась бананов и запила молоком.

— Возраст? — спросил, записывая, врач.

— Восемьдесят один.

Барий — измельчённый мел, белая жижа — неприятен даже тем, кто смотрит, как его пьют. Нашей соседке прописали две бутылки. Потом принесли метровую трубку, продели её через нос, велели проглотить, тянули до самого желудка и стежками пришили к носу. Затем сестры минут десять ругались, насколько это возможно делать рядом с капельницей.

Пока больная спала, мы вполголоса разговаривали с женщиной с палкой. Она оказалась старшей, восьмидесятичетырёхлетней сестрой. Детей у обеих не было, жили вдвоём.

Вечером младшую сестру, Зою Осиповну, прооперировали. Всё это время старшая, Варвара Осиповна, ходила по коридору, громко отстукивая палкой. К вечеру сестру так и не привезли, оставили в реанимации. Варвара Осиповна долго ждала. Затем, стуча палкой, побрела домой.

В семь утра она была в палате. В реанимации сказали, что состояние тяжёлое. Мы начали уверять её, что за сестрой там ухаживают, на что Варвара Осиповна коротко ответила:

— Ей плохо, потому что меня рядом нет.

Зою Осиповну привезли спустя двое суток. Из-под простыни тянулись четыре дренажа. Слабо поздоровавшись, она начала оглядываться. Когда увидела сестру, у неё перехватило дыхание:

— Солнышко ты моё!

Варвара Осиповна, просидевшая у пустой койки и одиннадцать раз позвонившая в реанимацию, провела пальцами свободной от палки руки по глазам, улыбнулась и тихо ответила:

— А ты — моё.

И чуть позже:

— Горе банановое.

Пока Зоя Осиповна отдыхала, сестра выясняла, можно ли на ночь нанять сиделку, потому что больная запросто могла повывёртывать дренажи и вырвать трубку в придачу: подобное уже случалось. Никто не согласился.

В девять часов вечера Варвара Осиповна дошла до стоящего посреди комнаты стула, поставила рядом палку и села, подперев щёку рукой. Мы

предложили книги — она кивнула в сторону младшей сестры: неусыпное наблюдение. Затем отвернулась к окну, по которому барабанил дождь, и сказала, что будет слушать “музыку”. Свет в коридоре мы выключать не стали и дверь не заперли. Пусть смотрит.

Под утро, часов около четырёх, я проснулась: кто-то бранился, по-прежнему лил дождь. Младшая сестра, судя по всему, предприняла попытку избавиться от дренажа, а старшая её упрекала. Не помню, за что. Помню, что спросонья услышала негромкий, но задиристый голос младшей:

— А ты мне, Варя, всё ласковые слова говори. Ласковые.

Варвара Осиповна ушла только после обхода, высидев целую ночь. Ещё долго слышался стук её палки.

Последнее

Я забрала выписку и ушла. Баба Аля через два часа оставила мне сообщение, в котором звала, как поправится, в гости.

Вот, собственно, и все больничные рассказы. И мне так счастливо, что все сёстры, бабы Али с бабами Верами и даже океанографы есть и пребывают (а кому-то ещё только предстоит) в добром здравии.

А за неточности в медицинских терминах, будьте добры, простите. В качестве извинения могу предложить вместе пойти к бабе Але.